

Лада
Миллер

*В переводе
с птичьего*

Поэтическая библиотека (Время)

Лада Миллер

В переводе с птичьего (сборник)

«WebKniga»

2018

Миллер Л.

В переводе с птичьего (сборник) / Л. Миллер — «WebKniga»,
2018 — (Поэтическая библиотека (Время))

ISBN 978-5-9691-1827-0

«Поэзия – это шпага, пронзающая души. И чем глубже рана, тем ближе нам тот, кто нанес удар». Проверить справедливость этих слов легко, если открыть книгу стихов Лады Миллер. Стихов, разных по времени, настроению, манере, но объединенных одним – даром слова, которым наделен их автор.

ISBN 978-5-9691-1827-0

© Миллер Л., 2018

© WebKniga, 2018

Содержание

До нашей эры	6
До нашей эры	6
Предрассветное	7
О начале	8
Вот и хватит	9
Останемся дома	10
Прогулки	11
Алое на сером	12
Не робей	13
Тихие радости	14
Жизнь проходит	15
Утешь меня, слово	16
Первые слова	17
Когда человек смеется	18
Край света	19
Пропала	20
Чтобы запомнить	21
Все остальное	22
Так проснусь	23
И тайна одна	24
Голос твой	24
И тайна одна	25
И бог со мной	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лада Миллер

В переводе с птичьего

© Лада Миллер, 2018

© «Время», 2018

* * *

До нашей эры

До нашей эры

Смотришь в слепое окно, понимаешь – влип
В этот осенний сплин, в перехлесты лип,
В то, что несется по небу от и до,
И западаешь клавишей – нотой до.

До нашей эры деревья шагали врозь,
Это сейчас у каждого в сердце гвоздь.
Вот и сиди прикидывай, что больней.
Сколько бы ни было осени – все о ней.

Сколько бы ни было истины – вся в вине.
Вечер рисует тыквенного Моне.
Пробкой размахивая, кланяется бутыль.
Смотришь на дно, уговариваешь – остынь.

До нашей эры и после – не та, не тот.
Что же внутри колоколет, глаголет, бьет?
Это прощается дерево – день за днем –
С вырвавшимся гвоздем.

Предрассветное

Плач малиновки нежен и тонок,
Рассыпает по зернышку грусть.
Так, наверное, плачет ребенок,
Потерявший душистую грудь.

В тихом голосе привкус потери,
Безнадежные «вдруг» и «вот-вот»,
Колокольчик над запертой дверью,
Женский голос. Улыбчивый рот.

Под ладонью притихшего сада
От бывшего ни слез, ни следа,
И такая на сердце отрада,
Что становится ясно – беда.

Все, что мило, – навывлет и мимо,
Так вбивай же малиновый клин
В неслучившихся, неповторимых,
Предрассветных, любимых, един...

О начале

Оставшись, я уже не убегу.
Мы будем жить с тобой на берегу,
Делить еду и легкую работу,
Перебирать задумчиво песок,
Рожать детей, креститься на восток
И соблюдать, как водится, субботу.

В кувшине глина. В облаке вода.
Рука в руке... Прощать и обладать,
Чтоб не терять необходимый трепет, –
Не в этом ли святая благодать?
(Когда в саду распустится беда,
Заголосим, но губы не разлепим.)

Я не о том, любимый, не о том.
(Уносит море тело, память, дом,
Знакомые до обморока лица.)
Я о начале. Все-таки уйду.
Остаться – это значит на беду,
Как и на счастье, взять и согласиться.

Вот и хватит

Если сильно захочешь – спасу.
Нам бы домик в июльском лесу,
Чтобы солнце и нежная хвоя –
Послевкусием долгого «дво-е».

Чтобы в доме трава и кровать.
Мы с тобой – такова благодать –
Состоим из улыбок и клавиш,
И уже ничего не исправишь.

А за домом – слова и листва.
Мы сидим к голове голова,
Тридевятый закат провожая,
И собака породы «большая»
Засыпает от счастья у ног.

Вот и хватит. Четырнадцать строк.

Останемся дома

Ты смешивай краски. Я выношу деток.
Немного тепла и обглоданных веток –
И вот уже небо набухло, провисло
Над прикусом страсти и поиском смысла.

Ликующий свет ли, рисующий бес ли...
Тебя разрывают на «может» и «если»
Не знавшие птиц перелетные пули,
И кисть проникает в заснеженный улей,

Где каждая складка свежа и знакома,
Где голоду – голос: «Останемся дома»,
Где губы вникают в январскую мякоть.
Подумаешь: «Счастье»,
И хочется плакать.

Прогулки

Прогулки с лыжами и без,
Потерянные рукавицы.
Лес вырастает из небес,
Поскрипывает и искрится.

На все непрожитые дни –
Одни. Ни облака, ни тени.
Слегка притоптывают пни
От холода и нетерпенья.

Край мира выбелен, умыт
И так непоправимо ясен,
Здесь каждый любящий – пиит,
Чей голос чист и не напрасен.

И вот, пока слова звенят,
Как потревоженные ели,
Ты, покрасневшись от огня
Сердечного, идешь ко мне и...

Алое на сером

Туман. Изюминки ворон.
Над колокольной вышит крестик.
В таком забытом богом месте,
Где тишь да хмарь со всех сторон,

Острее память, слаще яд
Семейных радостей безгрешных.
В саду чернявые черешни
В листве обглоданной стоят.

Упорно тащит муравей
Свою соломинку пустую,
Под вечер в теплый дом несу я
Уставший ветер в рукаве.

Здесь вечер нежен и кровит
Закат. Рукой подать до рая.
Здесь жизнь – от края и до края –
Лишь ожидание любви,

А наш сердечный перестук
Нестихотворного размера –
Всего лишь средство от разлук,
Всего лишь алое на сером.

Не робей

Опять осеннее бессилье –
Дождь со слезами пополам.
Деревья складывают крылья
И прижимаются к домам.

Река туманами болеет,
Немеет звонкая вода,
А я люблю тебя сильнее
И беззаветней, чем всегда.

Пусть небо ниже, ближе, строже,
Но ты, мой ангел, не робей,
Пока на ветке врет безбожно
Неперелетный воробей.

Тихие радости

Тихие радости наши – лишь отголоски дождей.
Солнце из глиняной чаши льется быстрее и вольней,

Синее дно раскалилось, поберегись, пригубив.
Где тебя, лето, носило? Я ли тебя не любил?

Я ли тебя? Покажись-ка... плавится воздуха медь,
Счастье так ярко и близко, что невозможно терпеть –

Блещут в стремительной речке, словно монеты, леци,
Неугомонный кузнечик о повседневном трещит,

Ягоды падают сами солнечной каплей с куста –
Миска с облупленным краем наполовину пуста.

Счастье рождается трудно, чтобы рассыпаться в прах.
Есть только эти секунды – осы на нежных цветах –

Высосут, выжгут, задразнят... Вздогнешь и снова начнешь
Ждать ослепительный праздник сквозь нескончаемый дождь.

Жизнь проходит

Закатилось солнце под восток.
Вот и мне бы заново родиться.
Календарь роняет лепесток,
Будто небо раненую птицу.

Синий вечер, сумрачен и прян,
Колоколет праздничное «амен».
Из душистых лаковых семян
Прорастают облако и камень.

Не понять – где радость, а где злость.
Отбрав надежду без остатка,
Жизнь проходит. Мимо или сквозь,
Все одно – мучительно и сладко.

Утешь меня, слово

На улицу б вышла, да улицы нет,
Как холодно улицы без.
Моих дорогих собеседников след
Вот только что был – и исчез.

Ушел, зацепившись за шляпку гвоздя,
Ни с чем несравнимый покой.
А я повторяю – бояться нельзя,
И голос колотится мой

О стены, о кровли, о неба клобук,
Летит бестолково на свет,
А время идет и ломает каблук,
И вот уже времени нет.

Не жизнь, а потеха – гремят жернова,
Швыряют в несытую брешь.
...А слово услышу – и снова жива.
Утешь меня, слово, утешь.

Первые слова

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути...*

Б. Пастернак

Ах, как мечталось заболеть поэзией. Дойти до сути,
Пока улыбчивая смерть играет шариками ртути

Еще не высказанных слов. Пока накатывает жажда,
Которая всегда – любовь, а все, что не любовь, – неважно.

И были первые слова – тугие, гладкие оливы,
И мы с тобой – как дважды два – нескучны, противоречивы...

Хоть нам уже немало лет, чтобы чему-то удивиться,
Но оказалось – сути нет. Изголодавшаяся птица

С ума веселого свела, сжила с наскучившего света.
Все неотложные дела отпущены и недопеты,

Все в грудь вошедшие слова – неразорвавшиеся пули.
А что Поэзия? – Жива. Хоть в этом нас не обманули.

Когда человек смеется

Очнемся – темно и рано. Откроем на небе свет.
Поставим на стол стаканы, да силы на радость нет.

Когда человек... Непросто решиться: теперь – пора.
Покатимся, как наперстки, в шершавый пролом двора,

Из сумрачного «все в прошлом» – в ошибку и кутерьму,
Где осень мешает ложкой распаренную хурму,

Где листья глотают ямы, где ветер летит в плаще,
Где дворник еще не пьяный, а праздничный и вообще.

Когда человек смеется... Ты знаешь, я даже рад,
Что все холоднее солнце. (Зато беззаботней взгляд.)

Из окон – то брань, то Шнитке, то юшка, то контрабас.
Оглянемся на пожитки, взлетим, и... помилуй нас!

Край света

Босые легкие шаги и
Деревья черные, нагие,
Трава, горчащая едва.
Пойдешь отчаянно с Е-два –
И пропадешь на все четыре.
Не осень – яма, света край,
Луны промерзший каравай
На крошки снежные расколот,
По медным листьям пляшет молот
И заколачивает рай.
А я, что в корне неправа,
Вдруг получила, что хотела –
И прорастают, как трава,
Простые, звонкие слова
Сквозь распечатанное тело.

Пропала

Чуть осень – чувствую, пропала –
Пусть ветер сух, и небо ало,
И ночь расписана углем,
Но все же, Господи, как мало
Огня в урочище твоём.

А эта осень – только повод...
На части белый свет расколот,
Лишь ты, как маковка, внутри,
Все остальное – лед и холод,
Хоть весь до ладанки сгори.

Но разве жаловаться смею?
И счастья нет, и слезы злее,
И тонет истина в вине.
Но там, в пугливой глубине,
Трепещет бабочка – Психея,
На время выданная мне.

Чтобы запомнить

Казалось бы, ну что тебе закат?
Все август переспелый виноват –
Дурачится по молодости, дразнит.
Такой неповторимый и живой,
Что неба окровавленный подбой
Чуть вечер разворачивает праздник.

Ты забываешь числа и слова,
Тебя несет высокая трава
Туда, где сосны с круглыми плечами,
Как будто в детстве сумрачном твоём,
Шумят разлукой, голодом, углем
И, заикаясь, вечность обещают.

Закат кипит и пенится, как суп,
И кажется – ты снова юн и глуп,
А сердцевина есть и не избыбла.
Так и живешь, растягивая миг,
Чтобы запомнить неба черновик,
Прекрасный облик, ненасытный блик
И лица удивляющихся яблок.

Все остальное

Приходишь домой. Снимаешь пальто.
Сядишься. Читаешь меня взхлеб.
А память сначала молчит, потом
Ее колотит озноб.

За то ли, что я далеко, за то,
Что сам виноват (погоди, не трусь!) –
Приходит, садится бочком за стол
Твоя шершавая грусть.

Но кто-то – разбитым стеклом: «Не трожь
Ее, эта роза суха!», и ты
В стакан наливаешь крутую ложь,
Зовешь другие цветы.

О прошлом, о правильном, о простом –
Хоть пой, хоть в запой – позабыть нельзя.
Моя пустота – за твоим столом,
А все остальное – зря.

Так проснусь

Бывает, проснешься – вспорхнет синева,
Взлетят сквозняки над перронами комнат,
Вдохнешь эту зиму – и тут же напомнят
О счастье забытые в прошлом слова.

И снова потянутся губы к «люблю»,
Но нет безнадежнее слова на свете:
Тебя попытаюсь обнять и согреть – и,
Как встарь, неумело и жадно спалю.

И будет мне пепел, вокзальная грусть,
Скрип снега, озноб индевеющей спальни,
Твой запах, твой вкус горьковато-миндальный,
Задумчивый лепет, божественный груз.

Что после? В серебряном горле вино.
Пьянею и верю (по глупости, что ли?):
Как только вернешься – от счастья и боли
Вздохнет, потеплеет и брызнет окно, –
Вот так и проснусь.

И тайна одна

Голос твой

Кто-то вздрогнул и голос разлил,
Заискрились в декабрьской пасти
Эти сумерки – реки чернил,
Эти вьюжины – скважины страсти.
Если чисто и пристально петь,
Выйдет время и зерен накрошит.
Жизнь с изнанки похожа на смерть,
Только длится значительно дольше,
Выбирает, кто пан, кто пропал,
Ошибается глупо и часто...
Голос твой неоправданно ал,
Ну а что еще надо для счастья?

И тайна одна

За окнами снег – голубят голубей,
И каждая строчка выходит о ней –
Голодной, нахальной. В нелепейшем слове –
Скулящая боль и немного любви.
А кто-то смеется и ладит кувшин
Из двух обожженных нагих половин.

Осталось – ему ли, в него ли – поверить,
Но звери заходят в раскрытые двери,
Ложатся у ног вислоухие пасти –
Слепое отчаянье, горькое счастье.
И крыша летит, унесенная прочь,
И каждое утро – парижская ночь.

Что в музыке этой, что в этой весне?
Не думай о прошлом, о будущем не...
Пугать голубят – не судьба, а забава,
И сердце катается слева направо,
По дому – до неба, до самого дна,
В нем голубь, и прорубь, и тайна одна –

Что тот, кто живет за обугленным краем,
Как мы – обнажен, обожжен, обожаем.

И бог со мной

Ты уговаривал: «Летим»,
И Бог подшучивал над нами
В краю невиданных светил,
В раю потерянных сознаний,

Где ложь и правда заодно,
Где столько памяток и знаков,
Где rue de Lille глядит в окно,
Чей свет бессовестен и маков.

Там дом и комната одна,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.